
Я не был замечен в злодействе,
нет порчи во мне никакой,
и я никого не обидел
ни словом своим, ни строкой,

однако какая-то сила,
какой-то глубинный надсад
всечасно меня вопрошает:
не ты ли кругом виноват?

Быть может, твой помысел вздорный,
что брошен в сердцах на ходу,
иной очарованный разум
воспринял себе на беду.

Ты праведным гневом наполнен
и меч свой разящий занёс –
и где-то погасли светила
и поезд сошёл под откос.

Конечно, всё это неправда,
наверное, это навет,
но вот почему-то покоя
от доводов этих мне нет.

И делаю я, что умею,
рождая стихов вороха,
и, может быть, это зачтётся,
и мне не помянут греха.

И, может быть, это зачтётся,
и где-нибудь вспыхнут тогда
на небе иные светила,
и с рельс не сойдут поезда.

И мне не вменится того, что
не раз ещё скажется на
безвестных мне судьбах и жизнях
носимая мною вина.

У меня калоши –
чернозёма цвет.
Я мужик – хороший,
огородник – нет.

Помню, дело было
по весне, на май,
подогнали вилы,
говорят – копай.

Зубья в землю вдвинув,
всё изрыл, как крот, –
надсаждает спину
этот огород.

Рассадил все грядки,
погодил пока,
возвращаюсь – гладко:
хоть бы тень ростка.

Поднимался рано
под диванный всхлип,
на гряды из крана
и из бочки лил,

удобряя пажить,
счёт неделям вёл –
огород мой так же,
как король, был гол.

Проведя пол-года
в беготне такой,

наконец, на это
я махнул рукой.

Надоело вусмерть
получать взамен
от работы – пустошь,
от заботы – тлен.

«Колдовская сила,
знать, чудит луна!» –
бабка объяснила
мудрая одна.

Развесёлый, в общем,
у меня сюжет.
Я мужик – хороший,
огородник – нет.

У меня во лбу есть третий глаз,
я его имею про запас,
хоть незрим он, как бесплотный дух,
но гораздо зорче первых двух.

Если мой коллега и собрат
чем-то мой замылить хочет взгляд,
сам себя он выдаст с головой –
третий глаз задействую я свой.

Третий глаз – не жемчуг, не алмаз,
но ценней гораздо – третий глаз.
Сильных мира бесит, плющит, злит,
если он не то, что надо, зрит.

Третий глаз – моя с рожденья часть,
у меня нельзя его украсть.
Вырвать можно только первых два,
третий – ты найди ещё сперва.

Тайно он глядит, не зная сна,
не имея сам в себе бревна,
ни бельмом не скрыт, ни пеленой,
третий глаз – портал мой в мир иной.

Даже бровью я не поведу,
если кто-то, к своему стыду,
скажет, глядя прямо мне в глаза,
будто я не вижу ни аза.

Забвение

По утрам мне – ни дна, ни покрышки:
стоит только очнуться от сна,
тут же свет, ослепительный слишком,
брызнет прямо в лицо из окна.

Ах, глазам, словно пяткам, щекотно!
Защитишься от света рукой,
вспоминая, какой день и год, но
не припомнив, кто сам ты такой.

Заслоняясь от мира зевотой,
то покажешь клыки, то язык.
В голове – неприличное что-то,
в мочевом – нестерпимый позыв.

И нужда, словно клин, отделяет
ночь от нового буднего дня,
где заботами, как одеялом,
этот день укрывает меня...

Я не помню обид
на людей и на Бога,
даже если забит
и живу одиноко,
даже если навзрыд
плачу ночью в подушку,
я не помню обид –
потому-потому что.

Я не помню обид,
как не помнят слепые
переменчивый вид
мест, где все они были, –
свет, пространство, цвета
мало, стало быть, значат,
ибо эти места
они помнят иначе.

Я не помню обид
ненапрасно, не всуе,
пусть сбивают с копыт
или только лупцуют,
жизнь и та мне грозит
сдвинуть с прежней орбиты,
но не помню обид
так, что даже обидно.